

Организованная преступность есть, а организованной жизни обывателя — нет

Роман Балаян — человек неприсоединившийся. Говорит, самая трудная роль — быть вне враждующих лагерей, но Балаяну она удается. Его «Полеты во сне и наяву» стали для зрителей фильмом потерянного поколения, для Балаяна — неизживаемым комплексом. С тех пор о каждой его премьере говорят: «Это не «Полеты». Балаян нигилист, чем и держится. Говорит, ему все равно, что рассказывают о его картинах. Последний выпущенный им фильм «Две луны, три солнца» удостоился звания антироссийского и прочеченского. Балаян, уроженец Карабаха, живущий в Киеве, уверен, что его герои не совершают тех поступков, которые не сделал бы он сам. Живут вне пространства, боятся времени, но по-прежнему легко летают во сне. Режиссер, опасющийся реалий и не умеющий пробиваться локтями, теперь открыл свою фирму «Иллюзион-фильмз», стал продюсером и готовит к запуску новую картину.

— Ваш будущий фильм «Дальше пойдут драконы» — возвращение к уже звучавшим идеям свидания с личным минотавром и убийства дракона в себе?

— Драконы — это половина нас. Они противны человеку, но трудно удержаться и не пойти по пути, предложенному ими. Сценарий картины написала Мареева, но он меня еще не устраивает. Доработку я взял на себя, хотя в письме ужасно ленив и то, что рассказываю за пять минут, переношу на бумагу по пять месяцев. Пока Мареева печатает отрывки из сценария в московских журналах, а я не такой уж и диктатор, чтобы ей это запрещать.

— Но по плану украинского Минкульта «Драконы» должны отправиться в дорогу в ближайшие месяцы.

— У моей картины нет финансовых сложностей, все проблемы — во мне. Я слышу в сценарии фальшивую ноту и не могу ее одолеть. Меня слушает его сикуминутность, публицистичность, глобальность. Все это нужно уб-

рать и не идти на поводу у «Драконов». Тем более что до начала съемок мне есть чем себя занять. Я стал исполнительным продюсером 10-серийного фильма режиссера Попкова. Его история — почти криминальная, она о двух милиционерах, один из которых думает, что нельзя преступить закон, а второй уверен, что можно. Съемки идут в Киеве на студии Довженко, хотя их с таким же успехом могли организовать и в Москве, и в Минске. Похоже, сработали мои старые связи, и российские деньги, отпущенные на фильм, отправили на Украину. Сама страна не вкладывает в сериал ни копейки. Пока картина называется «Оборотень». Я мало вмешиваюсь в съемки, у меня есть свое мнение, но я его не распространяю. В Киеве нет режиссера, доказавшего, что он умеет делать сериалы. А Попков это подтвердил, сняв «Графиню де Монсоро». Он работал над ней три года и одновременно дписывал новый сценарий. Представляете, как за это время мож-

но было распознать? Мы хотим придумать вечный, нескончаемый сериал, постоянно его снимать и выстреливать очередями по 10 эпизодов. Оценивать такую работу лучше не сразу, а издала: недостатки удобнее рассматривать в бинокль, а не в упор.

— Еще недавно вы жалели продюсеров и говорили об их тяжелой доле, а теперь сами хотите взяться за гуж вечного сериала?

— Продюсером могу быть только в одном случае — если один талантливый человек написал сценарий, другой решил его снять, и мне хочется им помочь так, что я аж загорелся задачей достать деньги. Но такого еще не было. Пока я исполнительный продюсер — организую съемки, а не добываю длинный рубль. Продюсер, режиссер, по-моему, женские профессии. Женщине, наверное, легче ходить и выпрашивать средства на фильм. Я так не умею.

— Видимо, поэтому пока не реализуется ваша идея продолжения «Полетов во сне и наяву». Помните, вы рассказывали его сюжет — в провинциальный город приезжает артист Янковский и встречается с последователем своего героя. Время сменилось, страна раскололась, а он по-прежнему носит тертые джинсы и растянутый свитер. Они постарели вместе с хозяином, и он сейчас еще более не у дел, чем раньше.

— Я придумал еще три варианта продолжения, но ни на одном не остановился. «Полеты...» можно было бы возобновить, если бы их, как «Семнадцать мно-

вень весны» Лиозновой, видели все. Но «Полеты...» посмотрели только люди близкие им по духу — это около 20 процентов зрителей. Остальные 80 не помнят фильм. Я это знаю, хотя мне трудно от него оторваться.

— Но ваши «Две луны, три солнца» — полная противоположность «Полетам...» Ваш новый герой делает резкие движения, он готовит убийство русского наемника.

— Мои герои повторяют меня, потому ничего не совершают. И герой «Двух лун...» никого в итоге не убивает, за него все решает судьба. Он не похож на балабановского «Брата», хотя этот режиссер, по-моему, самый интеллигентный среди молодых профессионалов в СНГ. Он умеет рассказать историю, хотя и страдает неточным пониманием «национального вопроса». Он в нем не разбирается и даже не хочет в него вникать, хотя по-режиссерски картины сделаны классно. Постсоветские люди болезненно реагируют на упоминания их национальности. Когда в Карабахе, где я вырос, было горячо, когда шел армяно-азербайджанский конфликт, я ждал вестей оттуда и хотел услышать, что во всем виноваты азербайджанцы. Подобные вещи рождают в человеке подлянку. В войне правды нет, но надо различать правду и истину. Я, может зря, звываю к всепрощению и даже в отрицательных персонажах прорисовываю человеческие замечательные черты. Мои герои понимают, где они живут и что их окружает. Поэтому у них и тоска в глазах. Сей-

час ее еще больше, потому что организованная преступность есть, а организованной жизни обывателя нет. Герой нового времени еще не возник — заедает старые комплексы.

— На Украине сейчас принято делать масштабные, исторические, костюмные фильмы, которые вы и раньше не жаловали. В первую очередь финансируются сериалы о гетманах, казаках. В украинской прессе появляются статьи о «геворкянах» и «балаянах», мешающих работать этническим украинским режиссерам. Видимо, вам дают понять, что сейчас не до ваших «сказок».

— Я однажды пытался снять фильм о Тарасе Шевченко, но ударился о вопрос: «Почему такую картину отдали режиссеру-неукраинцу?»

Я одинаково не приемлю русофобов и украинофобов, я не участвую в их кампаниях. Я заговорил на украинском, когда у меня были съемки в Карпатах. Я давно живу в Киеве — и не такой уж долдон, чтобы не выучить язык. Теперь пришла установка снимать фильмы на украинском, худсоветы проводить на украинском. Сейчас это лицемерие. Но через 10 лет на украинском добровольно и естественно заговорит поколение, нынче родившееся.

— Вы рассказывали, что после смерти Параджанова в Киеве образовался культурный вакуум. Вы ездите «подышать» в Москву. Вам предлагают постановки в театрах столичны. Вы и далее будете жить на Украине, а работать на выезде?

— Мне даже давали квартиру в Москве, только в мэрии предупредили, что я должен буду стать россиянином. Мне показалось дикостью менять гражданство на жилплощадь, я привык себя считать киевлянином, хотя здесь гораздо меньше возможностей. Давно хочу поработать в театре. Здесь я мог бы реализоваться полнее. Я уже ставил «Коломбину» в «Современнике», пьеса замечательная, хотя оказалась не моей. Теперь снова вернусь к Аною. Выбрал «Орнифль, или Сквозной ветер». Я шесть лет о ней думаю, но сложность в том, что в ней должны играть семь равнозначных актеров. На Украине такого театра нет, но я получил три приглашения из Москвы.

— В Киеве сейчас модно делать министрами писателей и поэтов, говорят, вам тоже предлагали пойти во власть.

— Эта дорога — чистый карьеризм. Никогда не поверю, что для того чтобы печатать талантливые книжки или гениально играть в театре, нужно иметь высокое кресло. Самое странное для меня, что я, человек, никогда не читавший газетные передовицы, теперь слежу за политикой. Жду, может, что-то стрясется — и жизнь переменится. Сейчас она не подталкивает делать хорошие фильмы. Как бы пора перестроиться — новое время толкает в спину. Но важно, чтобы эти толчки не заставили переломить себя. Есть выражение, которое я начал употреблять, не очень веруя: завтра будет лучше. С таким ощущением можно жить.

Янина СОКОЛОВСКАЯ, Киев